

Забара Елена Афанасьевна

Родилась 03.06.1911 года.

В годы войны работала медсестрой.

Проживала в г. Алупка

Крымской области, затем в

с. Карасан (Ровное).

Боевой путь: Содействие Карасановской подпольной организации в 1941 -1943 г. Помощь советским людям, жителям села, предотвращение от угона в Германию.

Награждена: Трижды отличник здравоохранения Республики Крым и СССР.

Из воспоминаний Забары Елены Афанасьевны.

Я, Забара Елена Афанасьевна, 1911 года рождения хочу поделиться частичными воспоминаниями из периода оккупации Крыма.

В 1941 году, в январе месяце, судьба меня с мужем и семилетней дочерью Людмилой Забара забросила в Карасан (с. Ровное). Вскоре Константин Тихонович Связался с подпольем и помог наладить радио, так как не было связи с большой землей.

В 1943 году, в конце мая, Забара Константин Тихонович был арестован и замучен в гестапо.

За несколько дней до этого дочери удалось увидеться с ним, и он успел сказать ей, что три дня назад, передавая пустую бутылку через кого – то сообщил, что вместо пробки в ней свернутая записка. Эта бутылка была у нас дома, но мы не знали о ней. Во время свидания дочери с отцом я стояла в стороне. Свидание внезапно прервал гестаповец, который резко закричал, приложил автомат к моему затылку и погнал, до угла улицы. По приходу домой, я обнаружила две записки, в одной из которых, было написано: «Нас расстреляют через два дня, ценой предательства товарищей, свою собственную жизнь не спасешь, что тяжело переносить пытки, и что надежды нет, и что он сам подумает, что предпринять». Так же сообщил, кто предатель.

В другой записке было обращение ко мне и дочери: «Не вспоминайте меня плохо и прощайте».

Одну записку я сразу разорвала, где был указан предатель, а другую оставила. Об этом я поделилась с соседкой Кушнарь О.В. и на всякий случай отнесла лучшие вещи на хранение. Через несколько дней, придя домой мне сообщили, что за мной приходили гестаповцы. Я уже месяц работала в больнице и решила зайти взять шприц на всякий случай. Я знала из записки мужа, что его

пытают, но он никого не выдал и я решила, лучше покончу жизнь путем ввода воздуха в вену, чем кого-нибудь выдам.

Я упоминала, что лучшие вещи отнесла соседке, сообщила адрес своих родных в городе Краматоргске. Мы всегда верили, что наша Армия освободит Крым.

Вскоре пришли за мной, полицейский Зубов Николай и немецкий солдат. По дороге зубов мне сказал, что бы я отдала записку, которую я получила от мужа. Я поняла, что об этом сообщили семья Кушнар. Возможно они хотели воспользоваться вещами. Я вытащила записку и отдала полицейскому, а шприц, который находился при мне, я выбросила по пути в гестапо, попросилась в туалет, мимо которого проходили. Шприцом я уже не смогла воспользоваться, там сломалась игла, когда меня вели, я увидела глав врача, она с оккупантами имела большой контакт, она же и сообщила, что я взяла шприц. Мне было не понятно, для чего она это сделала. Ко мне подбежал гестаповец и на чисто русском языке заорал, чтобы я рассказала, как я травила солдат и неугодных людей, и как я шприцом умудрялась впрыскивать яд в куриные яйца. Мне легко было отрицать, так как я этим не занималась, а про себя подумала, жаль, что об этом я не была уведомена. Вновь ко мне домой послали с обыском, по поводу ядов. Принесли разные флакончики в коробке. Я же ждала, когда будут задавать разные вопросы, и стала перебирать энергично флаконы, и показывая каждый со словами: «а это яд, а это яд?» они окружили меня калачом. Один флакон с сильно действующим лекарством от зубной боли, я умудрилась в роде в спешке опрокинуть, а сама все внимание на их лица. Яды же подтвердились (накануне внезапно умер один из полицейских и подозревали отравление). В отношении шприца я категорически отрицала. Тогда поступил приказ, вместе с главврачем, полицейскими Зубьевым и солдатом пойти в больницу, я должна показать этот шприц. Перед тем как мне прийти в гестапо один из немцев показал главврачу на теле у себя чирю, и ему не понравилось, как главврач ответила. В ответ он не любезно с ней обошелся, и когда я категорически отказалась, что не брала шприц, то она хотя и уверяла в обратном, но уже не с тем энтузиазмом. По приходу в больницу я не нашла похожего и предложила зайти в зубной кабинет. На мое счастье не было Зубы врача (Лидия Ивановна), которая ранее заигрывала с фашистами. Там я увидела похожий на тот и с уверенностью сказала «так вот же он!».

Главврач пыталась возражать, а в это время полицейский на вопрос гестаповца ответил: «что шприц нашелся, и она не стала настаивать». В свое время приходилось оказывать медицинскую помощь его жене при приступе желчно – каменной болезни. Возможно это имело значение. В гестапо было сказано, если не найдется, привести сюда для дальнейшего допроса, если найдется – отвести в тюрьму. Еще меня спрашивали на счет этой записки от мужа, ее полицейский сразу вручил, когда мы пришли в гестапо. Но там компрометирующего не было написано, что бы проливалось свет для них.

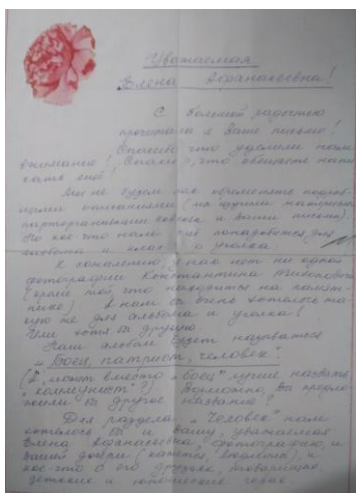
Я же знала, что муж никого не выдал и не выдаст. При обыске ничего компрометирующего не нашли, да и мужа знали очень не многие, поэтому я не только отрицала, а с уверенностью человека для которого все было новостью. Меня же кроме Тарасенко, Сверчкова и Чесночкова у которого жена была еврейка, они бежали из другого района. По совету с мужем я отдала свою сестрическую выписку на девичью фамилию Литвинова Елена Афанасьевна. Их арестовали и отправили в Джанкойскую тюрьму, они остались живы. После жестоких допросов меня под

конвоем привели в больницу и вели в палату охраняемую патрулем, там лежала арестованная из какого – то отделения, я ее не знала. В больнице я числилась единственной медсестрой акушеркой при нескольких врачах. Эта больница была для населения. Я выполняла врачебные назначения для этой больной. По истечении времени ее потом освободили, мне об этом потом спустя время сообщили. Меня же солдат вывел, я не знала куда меня ведут. По дороге он мне сказал, чтобы я не беспокоилась, там моего мужа кормят с немецкой кухни. Я ничего не ответила, но почувствовала явную насмешку, так несколько дней назад, будучи в тюрьме на второй день после моего ареста я услышала голос мужа. Он произнес мое имя проходя мимо моей двери, его вели на очередной допрос. Спустя время, арестованных находящихся в общем коридоре школы рассовали по камерам и в нашу так же. Полицейский выставил автомат и в глубокой тишине я услышала размеренные шаги, я поняла, что несут носилки и была почти уверена, что муж мой мертв. Хотелось бежать, кричать, сердце разрывалось от боли, но я заставила себя не сдвинуться с места, и спустя время потеряла сознание.

Вскоре были допросы, от пережитого, у меня на допросах не было страха. Константин Тихонович после последних пыток снял бинты с окровавленной головы и на них повесился. Об этом мне сказал Сверчков при встрече в 1975 году. Хоронили мужа фашисты. Предварительно запретили выходить населению из дома. Из дома, у кладбища, наблюдали жители. Мне об этом сказал в 1978 году житель их дома, у кладбища. Он, будучи мальчиком, спрятался за деревом у кладбища и наблюдал за похоронами. При встрече в 1975 году со Сверчковым, он восхищался силой воли моего мужа. Ценой своей жизни унес с собой все, что было связано с подпольем и никого не выдал.

4/VII-1983 г. Забара Е.А.

Сверчков Александр Андреевич

Родился в 1913 году в хуторе Каренское, Александровского района, Сталинградской области (ныне Волгоградска) Окончил саратовский финансово экономический техникум. Работал в совхозах Волгоградской области Красный Октябрь и Кумыльсенский.

В 1939 году в августе месяце переехал по приказу Совхозов переехал в Крым в совхоз Большевик. В 1940-1941 окончил курсы переподготовки главбухгалтеров, после окончания с апреля по июнь работал в совхозе Большевик в качестве Замглавбух. С июня 1941 по апрель 1945 находился в рядах Советской Армии, в партизанах в это же время находился в лагерях в пленных откуда бежал и прятался в совхозе «Большевик». В 1942 году перешел на легальное положение ю Помочь Забара Константину Тихоновичу через жену Забара Елену Афанасьевну – медицинскую сестру, которая на бланке Симферопольского военкомата написала, диагноз болезни рецидивирующий холецистит, заболевание печени и что воинской службе не пригоден. Предварительно научив как надо себя вести при проверке. С этим документом не стал призываться, но сразу был арестован политическим Беззубовым Николаем и отправлен для проверки в район.

Документ подтвердился и он стал заниматься подпольной работой среди людей в совхозе Большевик Тельманского района ныне Красногвардейский. Наша подпольная организация называлась Караснской, ею руководили от Крамского обкома партии Мозгов и Юдин. Персонально руководил товарищ Тарасенко Иван Григорьевич. Работой занимались с 1941-1942 по 1943 год, до того момента, когда по предательству, наша организация была Немецкими Фашистами Гестапо СС и СД раскрыта. Часть участников были арестованы и подвергались разным невыносимым пыткам именно следующие. Тарасенко И.Г., бывший гл.бухгалтер Совхоза, Касапов Андрей, Забара Константин Тихонович были работники Алуштинской поликлиники в качестве рентгентехника а в совхозе Большевик работал с Января 1942 года Осин Николай бывший механик морфлота в совхозе работал на общих работах, Кравченко Александра Разнорабочей совхоза, Струкова Марина тоже разнорабочая, Дмитриев Николай Иванович бывший агроном второго отделения Совхоза Мясников Петр полицейский - по решению подпольной организации, работал на первом отделении Совхоза ранее летчик истребителя бежавший из плена немецких оккупантов. В 1944 году, апрель месяц, по моему подтверждению обратно из которых часто отправляли концлагерь политзаключенный совхоза Красный где был казнен и сожжен. После освобождения Крыма я по состоянию здоровья был освобожден от продолжения дальнейшей службы в советской армии и был направлен на работу по восстановлению ряда Совхозов, где работал до ухода на пенсию. В 1973 году работал в должности главного бухгалтера совхоза. В последнее время работал и проживал в Совхозе Красноперекоский, деревня Ново - Николаевск, Красноперекоского района.